

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

— 148 —

ОБЪЯВЛЕНІЯ

КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ
КАРЖИДЪНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

М а я 1-го № 9. 1868 года.

— *Содержаніе.* — Климента, Александрійскаго пресвитера, Стромать (т. е. узоровъ) книга первая (продолж.).— Слово въ недѣлю четвертую по пасхѣ о разслабленномъ.— Религія составляетъ существенную потребность души человѣческой.— Объявленіе отъ липецк. город. обществ. банка.

Климента, Александрійскаго пресвитера,
СТРОМАТЬ (Т. Е. УЗОРОВЪ) КНИГА ПЕРВАЯ.

(Подолженіе).

ГЛАВА ДВАТЦАТЬ ТРЕТІЯ.

Время, происхожденіе и жизнь Моисея

Моисей, по древнему роду своему халдей ⁽¹⁾, родился въ Египтѣ, такъ какъ предки его, по причинѣ продолжительнаго голода, переселились изъ Вавилона ⁽²⁾ въ Египеть. Родившись въ седьмомъ

(1) Какъ потомокъ Авраама—халдея.

(2) Климентъ замѣтствовалъ это у Филона, у котораго, впрочемъ, говорится, что предки Моисея переселились въ Египеть по причинѣ голода, бывшаго въ Вавилонѣ и соседнихъ странахъ. Изъ сочиненій Филона, котораго держится Климентъ, видно, что уже къ началу нашей эры между евреями были въ уваженіи народныя сказанія, которыми извращали, поопланяли и уясняли достопрныя сказанія св. Пи-

поколѣніи ⁽³⁾ и воспитанный по царски, онъ имѣлъ такую судьбу. Когда евреи въ Египтѣ возрасли до многолюдства, то царь страны, опасаясь, чтобъ этотъ многочисленный народъ не устроилъ навѣта противъ него, велѣлъ имъ изъ раждающихся дѣтей еврейскихъ воспитывать только женскій полъ (пот. что женщина неспособна къ войнѣ), а мужескій полъ истреблять, такъ какъ опасался сильной молодежи. Поелику же дитя было доброзрочно ⁽⁴⁾, то родители, по естественной любви, преодолевая жестокость тирана, сокровенно питали его въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Наконецъ опасаясь, чтобъ не погибнуть вмѣстѣ съ чадомъ, устроили изъ растущаго тамъ тростника (*βιβλος*) нѣкоторую корзинку, помѣстивши въ ней дитя и выставили близъ береговъ рѣки, которая болотиста; а сестра младенца, стоя издали, наблюдала, что выйдетъ? Сюда-то царская дочь, давно уже нераждавшая, но желавшая имѣть сына, вышла въ тотъ день на рѣку обмыться и искупаться. Услышавши плачь дитяти, приказала подать его себѣ и, сжалившись надъ нимъ, искала кормилицы. Тогда подбѣжавшая сестра мальчика сказала, что она знаетъ еврейскую женщину, незадолго предъ тѣмъ родившую, и приведетъ ее, если угодно. Когда же царевна согласилась и просила объ этомъ, то

санія; страсть къ баснямъ уже усилилась и между образованными евреями и подготавливала появленіе Талмуда съ его бреднями. Снеси о *преданіяхъ старцевъ* Лук. II, 39—54.

⁽³⁾ Въ седмощъ, то есть, отъ Авраама, какъ поясняетъ Филонъ.

⁽⁴⁾ *Εὐπατρίδην δὲ τοῦ παιδὸς ὄντα...* Филонъ поясняетъ, что лицо мальчика было *ἀστειοτέρα*, ἢ κατ' ἰδιότητα, т. е. болѣе нѣжно, чѣмъ у дѣтей отъ простыхъ родителей. Сн. Евр. II, 23.

она, какъ бы иную женщину, привела мать самого дитяти въ кормилицу за условленную награду. Потомъ царевна даетъ дитяти имя Моисей (Μωϋσῆς), примѣнительно къ тому, что взяла его изъ воды: потому что воду Египтяне называютъ ρωῶ (⁵), въ которую онъ былъ выставленъ съ опасностію погибнуть, и Моисеемъ—того, который ожилъ, будучи извлеченъ изъ воды. Ясно, что и родители еще прежде, обрѣзавши мальчика, дали ему имя какое нибудь; да, и назывался онъ *Иоакимомъ*. Имѣлъ онъ и третіе имя, на небѣ (⁶) послѣ взятія туда, какъ говорятъ знающіе тайны (μύσται), именно—*Мелхи*.

Возросши, онъ, подѣ руководствомъ знаменитыхъ между египтянами (учителей), изучалъ арифметику, геометрію, стихотворство и правила гармоніи, кромѣ того—врачебное искусство и музыку, и философію символическую, заключающуюся въ іероглифическихъ писаніяхъ. Остальному кругу ученія его, какъ бы царское дитя, учили греки въ Египтѣ, по словамъ Филона въ «жизни Мойсея». Кромѣ того и отъ египтянъ, и отъ халдеевъ онъ прибрѣлъ познанія и въ письменности египетской, и въ наукѣ о теченіи небесныхъ свѣтилъ. Посему и говорится въ Дѣянїяхъ, что онъ былъ наученъ всей мудрости египетской (7, 22). И Евполемъ въ книгѣ о царяхъ іудейскихъ говоритъ, что «Мойсей былъ первый мудрецъ, и первый передалъ письменна іудеямъ, а

(⁵) Но у Филона не ρωῶ, а ρωῶς вода; ρωῶ у Флавія. Μωϋσῆς за. взятый.

(⁶) Климентъ, любившій таинственность, внесъ эту басню уже не изъ Филона, у котораго ее не встречаемъ, а отъ другихъ еврейскихъ «таинниковъ».

отъ іудеевъ заимствовали ихъ финикіяне, а еллины отъ финикіянь. Проникши въ природу сущаго (ὄντων), Мойсей умножилъ свою мудрость и, возревновавши объ установленіяхъ и обычаяхъ своихъ сродниковъ и предковъ, убилъ египтянина, несправедливо придравшагося къ еврею. А хвальящіеся знаніемъ таинъ (?) говорятъ, что онъ убилъ египтянина однимъ словомъ, подобно тому, какъ въ послѣдствіи Петръ однимъ словомъ умертвилъ, по сказанію Дѣяній (5 гл.) скрывшихъ цѣну поля и солгавшихъ. Далѣе, Артапанъ въ книгѣ «объ іудеяхъ» говоритъ: «Мойсей, бывъ заключенъ въ темницу царемъ Нехефреемъ за то, что просилъ объ отпускѣ народа изъ Египта, ночью вышелъ изъ открытаго волею Божіею узилица и, пришедши въ царскія палаты, предсталъ сонному царю и разбудилъ его. А онъ, пораженный случившимся, велѣлъ Мойсею объявить имя Бога, отъ котораго посланъ. Мойсей, наклонившись къ уху, сказалъ; услышавши, царь тотчасъ палъ бездыханный; но поднятый Мойсеемъ, снова ожилъ».

(Продолженіе будетъ).

С Л О В О

въ недѣлю четвертую по пасхѣ о расслабленномъ

*Се здравъ еси: ктому не согрѣшай,
да не горше ти что будетъ (Іоан. V,
ст. 14).*

Между безчисленными чудотвореніями, совершенными Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, во время земной жизни, св. Іоаннъ Богословъ повѣ-

(?) Μόσαι — кабаллисты.

ствуется въ своемъ евангелии и объ исцѣленіи одного разслабленнаго, лежавшаго на одрѣ болѣзни тридесять и осмь лѣтъ. Повторять ли краткое, слышанное уже вами, повѣствованіе о совершеніи этого чуда? Поразительно, разумѣется, это исцѣленіе, но въ жизни Богочеловѣка были и болѣе изумительныя чудеса, напр., укрощеніе морской бури единымъ словомъ, насыщеніе пяти тысячъ народа семью хлѣбами и нѣсколькими рыбами, воскрешеніе мертвыхъ и т. п. Нѣтъ, слуш. благоч., мы жежали бы обратить ваше вниманіе на то, въ высшей степени, назидательное наставленіе, коимъ безмездный небесный Врачъ заключилъ свое чудо. Се здравъ еси, сказала Господь 38 лѣтъ бывшему разслабленному, въ одно мгновеніе, по слову Божию, получившему изцѣленіе, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ. Краткое и глубокопоучительное это изрѣченіе Спасителя сохраняетъ и для насъ свою силу, свое значеніе. Вникнемъ же въ великій смыслъ его тѣмъ болѣе, что въ настоящее время, гордое своими матеріальными успѣхами и удивительными изобрѣтеніями, любящее по прежнему грѣхъ, но несознающее его, начинаютъ упускать изъ виду, даже отрицать прискорбную зависимость нашихъ физическихъ золь-отъ нравственныхъ нашихъ уклоненій—грѣховъ. Между тѣмъ посѣщенія гнѣва Божія попрежнему удручаютъ человѣчество вообще и каждаго изъ насъ въ частности: и вотъ мы, любящіе грѣхи, но не любящіе сознанія своей грѣховности, въ години бѣдствій ищемъ средствъ защитительныхъ и отражающихъ только въ томъ, что можетъ едва смягчать удары, наносимые физическими бѣдствіями,—слѣд. только обрываемъ листья

ядовитаго растенія, а не вырываемъ корень его, — и удивляемся потомъ слабости и безсилію науки и власти, предлагающихъ намъ свои мѣры къ огражденію себя отъ бѣдствій..., скоро это удивленіе уступаетъ мѣсто ожиданіямъ въ будущемъ болѣе дѣйствительныхъ уврачеваній..., физическія же бѣдствія, по ходатайству церкви и моленіямъ вѣрныхъ рабовъ Божіихъ, ослабѣваютъ—и мы опять спѣшимъ забиться въ вихрѣ грѣховной суеты, накликающей на насъ праведный гнѣвъ Божій.

Да, братіе, грѣхъ, самъ по себѣ, ужасное зло для нашей души: велика ядовитость его, страшную участь готовить онъ намъ въ будущей жизни, — все это извѣстно. Да убѣдимся же и въ той истинѣ, на которую только указалъ Спаситель въ рѣчи къ расслабленному, познаемъ, что грѣхъ нашъ, грѣхъ не очищенный покаяніемъ вноситъ гибельное разстройство въ самую природу неодушевленную, а послѣдняя, по тѣсной нашей связи съ нею, своимъ разстройствомъ удручаетъ насъ, — и вотъ мы мучимся, имъ же согрѣшаемъ: вотъ истинное начало болѣзней повальныхъ, тусу, потому, огню, мечу, нашествію иноплеменниковъ и т. п. общественнымъ и частнымъ бѣдамъ. Глубоко сознавали эту неутѣшительную истину и въ слухъ всего міра высказывали всѣ благочестивые люди древняго и новаго завѣта и почтенные набожные предки наши. Минуя многія мѣста пятокнижія свидѣтельствующія о разсматриваемой нами истинѣ, остановимся на предпрощальной къ евреямъ рѣчи Моисеевой, въ которой дивный Пророкъ Божій представляетъ гибельную силу грѣха въ самомъ яркомъ свѣтѣ. Вотъ что говоритъ Моисей

Израилю: аще не послушаши гласа Господа Бога твоего, преступиши отъ всѣхъ словесъ, изрекаемыхъ мною, злыхъ ради начинаній твоихъ (Втор. 28, 20), пошлетъ тебѣ Господь скудость и гладъ и истребленіе на вся твоя (—18, 20), поразить огневицею и стужею, и жженіемъ, и вѣтромъ тлетворнымъ (18 22), и будетъ небо надъ главою твоею мѣдяно, и земля подъ тобою желѣзна (— 18, 23), вся древесная и вся жита земли твоя истребитъ ржа (—18 42). По словамъ псалмопѣвца въ карательныя молніи, которыя, какъ думаютъ, поражаютъ человека случайно, облачается Божественное правосудіе, при самомъ міротвореніи опредѣлившее наказаніе нечестивцу (Псал. 148, 7 и 8). Молніи, говоритъ пророкъ, суть стрѣлы, которыя гнѣвъ Божій разсыпаетъ на нечестивцевъ. Хвалите Господа огонь, градъ, снѣгъ, голоть, духъ бурень, творящіе слово Его, т. е. выполняющіе Его опредѣленіе, идущіе путями Имъ указанными и предопредѣленными для наказанія или для награды людей. Богъ, поетъ другой псалмопѣвецъ, когда путешествовать стези гнѣву своему (77, 50), обращаетъ отъ злобы живущихъ землю плодоносную въ слякоть (106, 34.) рѣки въ пустыни и исходяща водная въ жажду (106, 33). Въ обличеніяхъ о беззаконіи наказалъ еси человека, съ грустію замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ псалмопѣвецъ, и истаялъ еси, яко научину душу его (38, 12). Глазобоко сознавая, что многи раны бываютъ грѣшному, псалмопѣвецъ въ слухъ всѣхъ грѣшниковъ провозглашаетъ: не беззаконуйте и не воздвигайте на высоту рога ваіаго, яко Богъ судия есть, и чаша выпитая Его держится вина не растворена исполнь раст-

воренія, — и хотя уклонилъ Онъ отъ сея въ сію, обаче дрождіе его не истощися: испіють вси грѣшніи земли (LXXXIV, 5 и сл.). По слову премудраго, Богъ всю тварь вооружаетъ страшными орудіями истребленія своихъ враговъ-нечестивцевъ (Прем. 5. 24). Во всякомъ грозномъ явленіи физическаго зла мудрый видитъ возстаніе и ополченіе твари противъ нечестія, подъ предводительствомъ самаго Бога воинствъ и Господа силъ. Господь пріиметъ всеоружіе рвеніе свое, и вооружитъ тварь въ мечь врагомъ, — и пойдутъ праволучныя стрѣлы молнійны, (Прем. 5, 18), и яко отъ благокругла лука облаковъ на намѣреніе полетитъ (Прем. — 5, 21—22) Ибо тварь, служа Тебѣ Творцу, напрягаетъ силу свою для наказанія неправедныхъ (Прем. 15, 16 и 17). Сынъ Сираховъ также утверждаетъ, что всѣ разрушительныя дѣйствія твари суть наказательныя орудія, Богомъ сотворенныя и пріуготовленныя, и что каждый изъ сихъ грозныхъ служителей гнѣва Божія приходитъ на землю въ опредѣленное ему время. Суть дуси (вѣтры), иже созданы быша на мечь. (Сир. 39, 34—37). Смерть, и кровь, и рвеніе, и оружіе, наведенія (несчастія), гладъ и сокрушеніе, и раны, на незаконныхъ созданы быша сія вся. (Сир. 40, 10). Подобное воззрѣніе на теченіе жизни въ мірѣ физическомъ находимъ и во всѣхъ книгахъ пророческихъ. Въ слухъ всего Израиля прор. Іеремія отъ лица Божія говоритъ, что земля (весь физич. міръ), бездушная тварь страдаетъ, плачется за грѣхи человѣка, и за лукавое теченіе его жизни изсыхаютъ пажити пустынная. (Іерем. 23, 10). Черезъ другаго пророка Осію Богъ говорилъ тѣмъ же израильтя-

намъ: будетъ въ той день (когда сдѣлается достойнымъ моей благодати) послушаю небесе, а оное послушаетъ земли, и земля послушаетъ пшеницы и вина и масла, и сѣи послушаютъ Израиля (Ос. 3, 21); когда же опять помножеству согрѣшишь, какъ согрѣшаешь теперь, опять восплачетъ земля, т. е., будетъ теченіе жизни въ мірѣ физическомъ таково, что придется стенать и плакать всякой земной твари (Ос. 4, 3.) Пророкъ Іоиль тоже самое подтверждаетъ, когда совѣтуетъ нечестивымъ Израильтянамъ освятить постъ, проповѣдать цѣльбу и воззвать ко Господу усердно (Іоил. 1, 14), да престанетъ огонь потребляти красная пустыни и пламень пожигать древа польская и иссушать источники водни (—1, 20.) Яркими красками прор. Амось рисуетъ промышленіе Божіе о людяхъ. По словамъ его, Богъ, творяй вся и претворяй, и обращай во утро сѣнь смертную, и день въ ночь помрачай (Ам. 5, 8), призывай воду морскую и разливай ю за презорство людей (Ам. 8, 7), возмущаетъ землю (—8, 8), посылаетъ гладъ на неѣ (8, II), и заставляетъ стенать всякаго живущаго на ней (—8, 8).

Особенно ясное и прямое указаніе на зависимость міра физическаго въ теченіи своемъ отъ характера дѣятельности человѣка встрѣчаемъ въ книгѣ Іоны. Изъ ней мы ясно и прямо узнаемъ, что самое теченіе морское зависитъ отъ качествъ или дѣятельности плывущихъ по морю. Оно мятется, восходитъ и воздвигается (1, 13), — самые язычники — корабельщики молятъ боговъ своихъ, да спасутъ ихъ (1, 6), и такъ увѣрены во влияніи на морское волненіе жизни человѣка, что бросаютъ жребія, да

уразумѣютъ коего ради зло есть на нихъ (1, 10), и узнавши виновника бури спрашиваютъ: что тебѣ сотворимъ да утолится море отъ насъ (1, 7.), наконецъ бросаютъ его въ море, — и море престааетъ отъ волненія своего (1, 13). Самъ Богъ чрезъ прор. Наума свидѣтельствуется, что когда Онъ идетъ съ яростию противъ супостатовъ своихъ (1, 2), путь Его въ скончаніи и трусѣ, и облацѣ служатъ прахомъ ногъ Его (1, 4), тогда Онъ запрещаетъ морю, и иссушаетъ е, и вся рѣки опустошаетъ, горы потрясаетъ, холми колеблетъ (1, 5). Туже истину изрекаетъ Богъ чрезъ Прор. Аггея. Укоряя Израилитянъ въ упорствѣ и ожесточеніи, Богъ такъ говоритъ къ нимъ чрезъ пророка: Азъ поразихъ неплодіемъ, и вѣтротлѣніемъ, и градомъ вся дѣла рукъ вашихъ, и не обратистесь (Аг. 2, 18.) — Богъ, какъ бы такъ говоритъ: неправильнымъ теченіемъ жизни въ мірѣ физическомъ, я хотѣлъ обратить ваше вниманіе на неправильное теченіе вашей нравственной жизни, дабы вы обратились ко Мнѣ, но этого не случилось. Пророкъ Захарія отъ лица Божія обѣщаетъ Израилю плодоносіе винограда и земли и обиліе росы (8, 12), если онъ образумится и обратится. Самъ Спаситель утверждаетъ, что моровыя повѣтрія, землетрясенія, разрушительныя дѣйствія стихій суть Богомъ предустановленныя уклоненія отъ законовъ и цѣлей міра, уклоненія происходящія отъ уклоненія дѣятельности нравственно-свободныхъ существъ отъ своихъ законовъ и цѣлей. Созерцая будущія судьбы міра и дѣла своего промысленія о немъ до самой кончины его, Онъ возвѣстилъ: и будутъ глади, и пагубы, и трусы по мѣстамъ (Мате.

24, 8.), съ такимъ замѣчаніемъ: подобаешь бо веѣмъ симъ быти, — поелику будетъ причина, будутъ и слѣдствія, будутъ умножаться беззаконія (—26, 12), будетъ увеличиваться и разстройство міра физическаго. Но это карательное теченіе жизни въ мірѣ физическомъ можетъ и должно быть остановлено силою вѣры и молитво-по ученію Спасителя (Мѡ. 21, 21—22.) и Апостола Іакова (—5, 17.). Наконецъ и въ посланіи къ Римлянамъ (Ап. Павла) мы находимъ подтвержденіе разсматриваемой истины: Ап. Павелъ слышалъ воздыханія и ощущалъ болѣзни твари, повинувшейся суетѣ вмѣстѣ съ господиномъ своимъ человѣкомъ (Римл. 8, 22). И сама тварь современіи проклятія совоздыхаетъ и болѣзнуетъ даже до нынѣ. Этими словами Апостоль показываетъ, что своими грозными и разрушительными дѣйствіями бездушная тварь наполняетъ покаиннымъ и горькимъ чувствомъ сердце грѣшника, который долженъ видѣть въ страданіи твари слѣдствіе собственнаго растлѣнія. Рядъ Богодухновенныхъ мужей, засвидѣтельствовавшихъ истину согласованія промысломъ Божиимъ теченія жизни въ мірѣ физическомъ съ теченіемъ жизни и характеромъ дѣятельности человеческой, подтверждаетъ Тайновидецъ Іоаннъ. При всей символичности и таинственности послѣдней книги Его «Апокалипсисъ» можно видѣть въ ней ясныя указанія на разсматриваемую истину. Въ ней ясно показывается, что великій гной (16, 2), превращеніе воды въ кровь (16, 13), чрезмѣрный зной (16, 8), ужасныя блистанія, громы, гласы (16, 18) и градъ (16, 19) будутъ поражать людей, поклоняющихся иконѣ Антихриста и хулящихъ Бога небеснаго (16, 2).

Еще: имать той, т. е. всякій нераскаянный грѣшникъ, пити отъ вина ярости Божія, вина нерастворенна въ чаши гнѣва Его (14, 10). Правда, чаша сія споина вся подносится грѣшникамъ, когда мучить ихъ Богъ предъ Ангелы святыми и предъ Англицемъ, и дымъ мученія ихъ во вѣки вѣковъ восходитъ. Но и въ этой жизни правосудный Богъ не оставляетъ подносить эту чашу гнѣва Своего иногда цѣлымъ народамъ...

Не чувствуемъ ли мы, братіе, карательную руку Божию и на насъ самихъ? Кто можетъ сказать отрицательно. Чтобы тамъ не говорили непризванные благодѣтели человѣчества, чему бы не приписывали различныя бѣдствія, мы, вѣрные слову Божию и преданіямъ дорогой, набожной старины русской, считаемъ наши грѣхи главною причиною трусовъ и нагубъ, растлѣнія земли и прочихъ всѣхъ золъ. Да, и мы тоже должны о себѣ сказать, что замѣтилъ Апостоль объ одномъ недостойно причащающемся, сего ради (т. е. нашихъ грѣховъ) въ насъ многи немощи (1 Кор. II, 30), да сего ради преждевременная и скоростижная смерть, сего ради повальныя и губительныя болѣзни, въ родѣ холеры, тифа и т. п., сего ради и прочія обдержанія насъ бѣды. Непреложная исторія явленій неодушевленной природы должна убѣдить въ этой истинѣ тѣхъ, кои недовѣряли слову Божию.

Оставляя въ сторонѣ страны намъ чуждыя, припомнимъ изъ исторіи нашего отечества періоды въ жизни нашихъ предковъ, когда Господь, каравшій за грѣхи народъ, торжественно и краснорѣчиво чрезъ неодушевленную природу взывалъ прегрѣшающихъ

къ исправленію... Жестокость, гордость и зависть овладѣвають, по смерти Ярослава мудраго, душою князей русскихъ, недовѣрчивость и вражда увеличиваются между ними, — и необыкновенной величины кровавая звѣзда, солнечное затмѣніе, великій свѣтлый кругъ на небѣ предвѣщаютъ кровопролитныя междоусобія князей рус., ужасный лѣтній зной, отъ котораго возгаралась земля, изсушались болота, голодъ и язву.

Въ слѣдующемъ столѣтіи ссоры и споры князей русскихъ еще болѣе увеличиваются и наконецъ превращаются въ упорную и кровопролитную усобицу, — и солнечное затмѣніе въ 1124 г., превратившее вечернее время на нѣсколько часовъ въ самую темную ночь, неурожай, мѣстные пожары, густые туманы — лѣтомъ, наконецъ блестящая комета съ длиннымъ хвостомъ предвѣщаютъ Руси кровопролитныя стычки съ татарами, страшный голодъ въ Новгородѣ и наконецъ иго монгольское. Въ 14 вѣкѣ — дѣти и внуки Александра Невского не подражаютъ сему св. Князю, ведутъ ожесточенную междоусобную войну, въ пагубномъ ослѣпленіи прибѣгаютъ къ покровительству Монголовъ, — и гладъ и моръ поражаютъ всѣ ихъ области. Князь Георгій Даниловичъ клевететъ на св. Князя Александра Михайловича Монголамъ, которые злодѣйски умерщвляютъ сего мученика, — и открывается въ княженіе перваго такое оскудѣніе воды и съ такимъ зноемъ, что выгораютъ боры, лѣса и даже болота.

Остальная Европа въ это время наполняется ересями и сектами, народъ дѣлается чрезвычайно худымъ, надмѣнность и чрезвычайная несправедли-

вость господствуютъ въ немъ *), — и на всемъ европейскомъ — азіатскомъ континентѣ отъ береговъ Восточнаго Океана до береговъ Атлантическаго — воздухъ дѣлается тлѣтворнымъ и миллионы жителей становятся жертвами страшной язвы — черной смерти.

Въ 16-мъ вѣкѣ бояре московскіе заботятся только о томъ, какъ бы обогатиться насчетъ другихъ, молодой царь, Іоаннъ Грозный, окруженный недостойными вельможами, проявляетъ только жестокость и беспечность, — и неслыханный пожаръ московскій служитъ наказаніемъ для первыхъ и побужденіемъ къ исправленію для послѣдняго. Въ началѣ 17-го в. Борисъ Годуновъ преступно достигаетъ престола, бояре дышатъ злобою и измѣною царю, частные люди при нестерпимо-глухомъ высокомеріи, презрѣніи къ ближнимъ, при плутовствѣ, пристращаются къ неумѣренному употребленію пищи и питія и раснутству **), — и ужасный голодь и язва свирѣцствуютъ съ неслыханною лютостію, не взирая на заботливость правительства облегчить народное бѣдствіе. Бояре и народъ измѣняютъ Годунову, потомъ Шуйскому; принимая Самозванцевъ, самъ Шуйскій, назначенный царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ изслѣдовать смерть царевича Димитрія, обманываетъ Государя, навлекаетъ несправедливымъ показаніемъ опалы на невинныхъ родственниковъ царевича, а братъ его отравляетъ родственника своего Михаила Скопина, вождя знаменитаго и добраго, — и гладъ служитъ карательнымъ возмездіемъ за такой характеръ дѣятельности представителей рус-

*) Gottinger. Hist. eccles. Saecul. XIV. Lect. 4. 85 p.

**) Библ. чт. 1858 г. 1 ч. Статя о Самозванцахъ, Стр. 10.

скаго народа и наконецъ нашествіе вольной шляхты довершаетъ паденіе Шуйскаго и чрезвычайно истощаетъ государство. — Царь Алексѣй Михайловичъ вначалѣ правленія своего всецѣло довѣряется честолюбивымъ и корыстолюбивымъ боярамъ, которые только грабятъ государство, да обманываютъ Царя, — и язва и голодъ служатъ гибельнымъ урокомъ для преступныхъ вельможъ и побужденіемъ царя къ исправленію. Въ концѣ 18-го и вначалѣ 19-го вѣка пристрастіе высшихъ сословій къ иностранному, презрѣніе всего отечественнаго, равнодушіе ко всему священному и добродѣтельному у русскихъ выступаетъ за предѣлы, — и моровая язва, бунтъ Пугачева, стоившій потоковъ крови и милліоновъ рублей, потомъ голодъ обнаруживаютъ праведный гнѣвъ Божій — все напрасно; наконецъ, огненные различныя знаменія небесныя предвѣщаютъ преступному народу грозныя бѣдствія, содѣлавшія столь достопамятнымъ для Русскихъ 1812-й годъ. Память о гнѣвѣ небесномъ, постигшемъ въ 12-мъ году Россію, исчезаетъ изъ головы большей части Русскихъ, они по прежнему пристращаются къ иноземному, презираютъ все отечественное, мысль о родномъ православіи мало по малу вытѣсняется идеями, навѣянными съ запада, — и холера, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, мятежъ польскій заставляютъ образумиться преступныхъ, но не надолго, скоро хвостовидная комета предвѣщаетъ грозную, ужасную войну, поглотившую сотни тысячъ Русскаго люда, отъ 52-го по 55-й годъ, несмотря на то, что мы стояли за правое дѣло въ войнѣ....

Осенью 1866 года посѣтилъ и насъ, жителей

града Воронежа, праведный гнѣвъ Божій: кто не признаетъ въ прошлой холерѣ явнаго прещѣнія Божія за грѣхи наши? Въ 30-хъ годахъ, ходатайство святителей Митрофана и Тихона, молитвы приснопамятнаго архипастыря Антонія, раскаяніе общественное нашихъ гражданъ-стариковъ умилоствовали Господа, — и язва не коснулась Воронежа... *Въ самый разгаръ язвы* 1866 г. мы сотворили общественную молитву, — и гнѣвъ Божій склонился на милость, посланъ былъ духъ бурень, заразительный голубый туманъ, густымъ покровомъ висѣвший надъ несчастнымъ городомъ, началъ мало-по-малу разсѣваться, язва стала ослабѣвать въ то самое время, когда въ недалекой окрестности она продолжала развиваться. Се мы здравы: ктому да не согрѣшаемъ, да не горше намъ что будетъ. Если такъ сильно въ насъ тяготѣніе ко грѣху, что намъ трудно и представить себя безъ согрѣшеній, по крайней мѣрѣ не будемъ предаваться безпечности, да сохраняемъ постоянно въ себѣ покаянное чувство страха Божія и умиленія сердечнаго, тысячу разъ въ день согрѣшаемъ, тысячу разъ и да покаемся, по наученію І. Златоуста, да не пренебрегаемъ тѣми спасительными средствами, кои Церковь постоянно предлагаетъ намъ чрезъ своихъ пастырей... Въ этихъ видахъ будемъ помнить о праведныхъ отмщеніяхъ Божіихъ, явленныхъ на пр. Давидѣ, сынѣ его Аввессаломѣ, Ахаавѣ, Езекии и пр. За первое важное преступленіе пр. Давидъ былъ наказанъ смертію своего сына (2. Цар. 12, 14.), за вторичное же уклоненіе отъ воли Божіей онъ заплатился жизнію семидесяти тысячъ своихъ подданныхъ (— 24, 16), хотя послѣдній грѣхъ, по существу своему, не былъ

тягостнѣе перваго. Авессалому—братоубійцѣ Господь Богъ какъ бы смолчалъ, но когда онъ приложилъ беззаконіе къ беззаконію, ужасная и позорная смерть прервала дни его (2 Цар. 13, 28). Ахаавъ былъ нѣсколько разъ прощаемъ за преступленія, въ коихъ онъ раскаявался (3 Цар. 21, 19), наконецъ онъ ожесточилъ сердце свое и злобно вооружился на вѣрныхъ рабовъ Божіихъ (3 Цар. 22, 34). Правосудіе Божіе опредѣлило ему тяжолую смерть отъ меча врага. Езекиа получилъ чрезъ пр. Исаію отъ Господа исцѣленіе отъ смертельной болѣзни и продленіе жизни своей на 15-ть лѣтъ: но тщеславіе выздоровѣвшаго Езекиа навлекло на него вторичный гнѣвъ Божій, къ нему былъ посланъ опять пр. Исаія, но съ извѣщеніемъ, что грядутъ дніе, когда возмутъ вавилоняне (которымъ Езекиа на радостяхъ по выздоровленіи хвастливо показывалъ свои богатства) вся, яже въ дому его, поймутъ чадъ его и сотворить ихъ казеники въ дому царя вавилонска (Ис. 39, 6 и 7). Почему такъ Богъ поступилъ съ Езекиею? «Для того, говоритъ Иеронимъ, что не первый былъ сей грѣхъ его (т. е. тщеславіе): предають бо Іудеи, что онъ и прежде за то немоществовалъ, что, по неслыханной почти своей надъ Ассиріанами побѣдѣ, нѣсколько возгордѣлся было, и не воспѣлъ хвалы Господу... Наказанъ убо симъ образомъ въ то время былъ Езекиа за свое высокоуміе, понеже покался въ болѣзни, прощень: чего ради и надлежало было ему гораздо опасаться, симъ грѣхомъ еще раздражать Бога, какъ мужу мудрому: но понеже онъ не сдѣлалъ того, но и пакы поднялся мыслию своею, то уже не восхотѣлъ ему Богъ оставить сего безъ тягчайшаго

наказанія. И праведно, призналъ сіе самъ Езекиа: ибо первый разъ, какъ хотѣлъ его казнить Богъ смертію; то онъ, представляя Ему предъ очи прежнія свои добродѣтели, молилъ Бога, чтобы простилъ его вину. А при семъ случаѣ уже ни устъ своихъ на такую молитву отверзть не дерзнулъ, но сказалъ: благо есть слово Господне глагола, да будетъ» (Ис. 39, 8). Если бы и захотѣлъ Езекиа просить Бога о смягченіи гнѣва своего, едва ли бы успѣлъ въ томъ: ибо человекъ, говоритъ сынъ Сираховъ, постыйся о грѣсѣхъ своихъ, и наки ходяй, и таяжде творяй, мольбу его кто услышитъ? и что успѣетъ онъ смиреніемъ своимъ (Сир. 34, 26)? И ап. Павелъ говоритъ: земля пившая множицею дождь (милосердія Божія) сходящій на ню, и износящая тернія и волчець, непотребна есть и клятвы близъ еяже кончина въ пожженіе (Евр. 6, 7 и 8). Да, не забудемъ, братіе, и загробныхъ мученій, составляющихъ неотъемлемый удѣлъ тѣхъ, котрые, по раскаяніи во грѣхахъ своихъ, скоро снова обращаются къ нимъ. Этыхъ-то несчастныхъ и имѣетъ въ виду ап. Петръ, когда говоритъ во 2-мъ своемъ посланіи, что лучше было бы имъ пути правды не познати, нежели, чтобъ познавше, вспять пойти отъ того, что предано имъ завѣтомъ сятымъ.

И такъ, слуш. бл., напечатлѣмъ въ сердцахъ нашихъ сію истину, что грѣхи—истинная причина и нашихъ бѣдствій, поэтому во дни золь общественныхъ и частныхъ да не ронцемъ на Господа Бога, но съ покорностію и преданностію волѣ Божіей, съ истиннымъ сокрушеніемъ во грѣхахъ своихъ, да приѣмлемъ наказанія, посылаемыя Гос-

подомъ, не хотящимъ смерти грѣшниковъ... Да неуклоняемся отъ принятія мѣръ, считаемыхъ наукою и властію нужными во дни бѣдствій, но болѣе всего да стараемся придерживаться тѣхъ спасительныхъ средствъ, кои предлагаетъ намъ чадолюбивая Церковь.... По прошествіи же бѣдствій да не спѣшимъ подавать поводовъ къ повторенію оныхъ, да не будутъ намъ послѣдняя горша первыхъ, по слову евангельскому. Аминь.

Учитель семинаріи Алексѣй Николаевъ.

Религія составляетъ существенную потребность души человѣческой.

Какъ-бы ни вооружались сторонники современнаго намъ невѣрія противъ религіозныхъ вѣрованій людей, какимъ именемъ ни называли бы эти вѣрованія и ихъ послѣдователей, своими нападками и возгласали они не уничтожатъ того свидѣтельства исторіи, изъ котораго видно, что религія всегда была у людей и составляла существенную потребность души человѣческой.

Гдѣ только найдены слѣды существованія людей, тамъ непременно находятся и слѣды существованія религіи. Начиная съ самыхъ древнихъ народовъ, когда либо существовавшихъ на землѣ, и кончая многочисленными племенами современныхъ намъ дикарей, мы не можемъ указать ни одного, который бы не имѣлъ своихъ вѣрованій, своей религіи.

Религія такъ существенно необходима для чловека, что уничтоженіе ея возможно только подъ ус-

ловіемъ отрицанія существованія въ человѣкѣ духовнаго начала, или, что тоже, души, какъ существа свободно-разумнаго и совершенно отличнаго отъ тѣла. Но подобное отрицаніе возможно развѣ у людей съ потеряннымъ самосознаніемъ. Не извращенное самосознаніе ясно свидѣтельствуемъ, что чѣмъ болѣе развиваемся и совершенствуемся мы, чѣмъ болѣе постигаемъ видимую природу, овладѣваемъ ея силами и приобретаемъ господство надъ нею, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что въ насъ есть особенная могущественная сила, которую можно назвать силою вѣчной жизни, побѣдоносно борющейся съ силою вѣчной смерти; или лучше, что въ насъ есть существо, принадлежащее къ совершенно другому роду существъ, чѣмъ тѣ существа, которыми наполненъ видимый міръ. Существо это мы называемъ душою или духомъ, потому что оно по своей природѣ неуловимо для чувствъ тѣлесныхъ, и познается только по проявленіямъ своей свободы и своего самосознанія.

Существованіе въ насъ души необходимо обусловливаетъ существованіе и той области бытія, къ которой она принадлежитъ по своей природѣ. Эта-то область бытія называется, обыкновенно, высше-чувственною, духовною или сверхъестественною.

Что существованіе этой области бытія есть дѣйствительное, а не воображаемое, какъ думаютъ матеріалисты, это доказываютъ тѣ врожденные, и всю жизнь нашу остающіяся неизмѣнными, стремленія въ эту область нашей души, которыя возникаютъ въ ней съ пробужденіемъ самосознанія. Въ самомъ дѣлѣ, кому неизвѣстно, что лишь только мы

достигаемъ возраста, въ которомъ пробуждается въ насъ наше самосознаніе, мы, въ какомъ бы званіи и состояніи ни находились, подъ какими условіями ни проходила бы жизнь наша, всегда замѣчаемъ въ себѣ стремленіе къ чему-то необыкновенному, сверхъестественному. Такъ, бываемъ ли счастливы, намъ хочется, чтобы это счастье было не отъемлемымъ достоинствомъ нашей жизни и самая жизнь наша не имѣла конца на землѣ, но продолжалась вѣчно. И хотя намъ хорошо извѣстно, что подобное желаніе неосуществимо на землѣ, на которой нѣтъ ничего вѣчнаго, — тѣмъ не менѣе мы всё усилія наши употребляемъ къ осуществленію этихъ несбыточныхъ желаній. Бываемъ ли несчастливы, — мы вступаемъ въ упорную борьбу съ нашимъ злополучіемъ, не теряя надежды на лучшее будущее, даже послѣ тяжкихъ неудачъ въ этой борьбѣ. Испытывая эти неудачи, мы думаемъ, что не всё еще употреблено нами средства къ устраненію нашего злосчастія, и что въ дали будущаго все еще неугасъ отрадный свѣтъ счастья, къ которому мы и устремляемъ, всею силою нашей воли, омраченный горестями взоръ. Даже въ тѣ тяжкія минуты жизни, когда мы уже совершенно, по видимому, изнемогаемъ подъ гнѣтомъ давящаго насъ горя, даже и тогда мы убѣждены, что удѣлъ нашъ — счастье, но только такое, котораго уже ничто на землѣ дать намъ не можетъ.

Спрашивается, гдѣ же и въ чемъ мы могли бы найти осуществленіе этихъ стремленій нашей души? Ненайдемъ ли его въ нашемъ сердцѣ? Но, обращаясь къ своему сердцу, мы находимъ въ немъ одну только бездну желаній, — бездну столь глубокую и не-

объятную, что устремляя на нее мысленный взоръ, умъ нашъ приходитъ въ смущеніе и возмущается подобно тому, какъ мутится чувственный взоръ у людей, стоящихъ на краю пропасти. Бездна эта осталась бы ненаполненною даже и тогда, — когда бы мы могли вложить въ нее всё сокровища міра; потому что нѣтъ на землѣ предмета, который бы вполне удовлетворилъ нашимъ желаніямъ. Мы крайне ошибаемся, если думаемъ, что удовлетворить желаніямъ нашего сердца могутъ сокровища, которыя предлагаетъ намъ природа и искусство. Блескъ этихъ сокровищъ пріятенъ для насъ лишь до тѣхъ поръ, пока мы невозобладаемъ ими и не присмотримся къ нимъ. Въ глазахъ обладателя этихъ сокровищъ блескъ ихъ теряетъ свою очаровательную силу, а усиливаетъ только желаніе-искать новыхъ, невиданныхъ сокровищъ. Не удовлетворяются желанія сердца нашего и болѣе нѣжными удовольствіями, каковыми дарить насъ дружба и любовь; ибо и эти удовольствія наши отравляются въ жизни если не измѣною и огорченіями, то неизбѣжными лишеніями близкихъ сердцу нашему друзей или родныхъ. И едва ли былъ на свѣтѣ человекъ, который бы неиспытывалъ въ жизни подобныхъ утратъ... Даже въ томъ случаѣ, когда бы мы рѣшились быть одинокими въ мірѣ, чуждыми для всѣхъ и всего, и заключиться, такъ сказать, въ самихъ себѣ, и въ этомъ случаѣ тщетны наши надежды, если мы думаемъ, что подобное состояніе успокоитъ насъ — удовлетворивъ всѣмъ стремленіямъ и желаніямъ нашей души. И уединенная жизнь не спасаетъ насъ отъ унынія и тоски, если въ ней нѣтъ залоговъ болѣе

прочныхъ, чѣмъ одни земные расчеты или эгоизмъ. Сколько мы знаемъ несчастливцевъ, которыхъ, жизнь, и въ одиночествѣ, была отравляема гораздо большими страданіями и горестями, чѣмъ жизнь людей семейныхъ. Однимъ словомъ, — что ни дѣлали бы мы, къ чему ни устремляли бы свое сердце на землѣ, вездѣ и во всемъ насъ ожидаетъ неизбежное разочарованіе. Въ концѣ концовъ мы, взирая на все насъ окружающее, навѣрно повторимъ слова древняго мудреца: суета суетствій, всяческая суета.

Не найдемъ ли удовлетворенія и успокоенія стремленія нашей души въ своемъ умѣ? «Нашъ умъ, говорятъ почитатели человѣческаго разума, стремится къ истинѣ, какъ къ послѣдней своей цѣли. Чтоже, неужели неуспокоятся порывы его стремлений, если онъ найдетъ искомое, достигнетъ своей цѣли? Такъ, умъ нашъ жаждетъ истины, усиливается на ней одной основывать свои познанія и свои изслѣдованія; но что встрѣчалъ онъ всегда на пути своихъ исканій? Одну неизвѣстность и сомнѣніе. Философскія мифы и системы являлись и исчезали предъ нимъ, подобно облакамъ или волнамъ океана, гонимымъ бурей. Давно вопрошаетъ онъ все видимое: «что есть истина» и получаетъ отвѣтъ, который только усиливаетъ его любознательство, но далеко не рѣшаетъ даннаго вопроса. Давно придуманы имъ тысячи предположеній и догадокъ, касательно основныхъ началъ всего существующаго: но все они не болѣе, какъ древняя вавилонская башня, устройствомъ которой думало человечество соединить небо съ землею. Да, борьба и сомнѣнія въ мысляхъ, вотъ всегдашній удѣлъ нашего ума на пути къ ис-

тинѣ, если онъ думаетъ отыскать её одними собственными силами.

Не разрѣшатся ли, наконецъ, эти сомнѣнія и недоумѣнія нашего ума хотя у порога могилы, не найдетъ ли хотя здѣсь успокоенія мятущейся духъ нашъ? Нѣтъ. Могила не даетъ отвѣта на наши сомнѣнія и предположенія. Тайны загробной жизни сокрыты для насъ до тѣхъ поръ, пока не порваны смертію послѣднія нити, привязывающія насъ къ землѣ. Правда, въ минуты самой смерти является предъ взоромъ ума нашего мерцаніе духовнаго свѣта, ниспосылаемаго намъ свыше, но этотъ мгновенный свѣтъ такъ слабо озаряетъ мрачную даль будущаго, что мы и при его мерцаніи все еще остаемся въ нерѣшительномъ состояніи, касательно ожидающей насъ тамъ участи. Если что открываетъ намъ этотъ свѣтъ, то одно лишь ничтожество всего насъ окружающаго, и тѣмъ усиливаетъ ужасы ожидающей насъ будущности. Такимъ образомъ, какъ ни усиливались бы мы постигнуть своимъ умомъ тайну нашего бытія, какъ ни порывались бы желаніями своего сердца найти желанный покой и счастье на землѣ, сами по себѣ мы никогда не достигаемъ этого, и, безъ сомнѣнія, не достигнемъ до тѣхъ поръ, пока духъ нашъ не проникнется мыслию о Богѣ, а сердце не войдетъ въ тѣсное съ Нимъ единеніе.

Мысль о Богѣ ускокоиваетъ духъ нашъ. Она служитъ для насъ какъ-бы точкою опоры, на которой, сосредоточиваясь, мы можемъ спокойнымъ взоромъ смотрѣть въ даль будущаго и вѣрно оцѣнивать условія настоящаго. Озаряемый этою мыслию, духъ нашъ не будетъ смотрѣть на разнообразныя состоя-

нія настоящей жизни, какъ на послѣднюю цѣль своихъ стремлений, но будетъ видѣть въ нихъ не болѣе, какъ подготовительныя средства къ достиженію предуказанной ему цѣли бытія. Эта мысль, какъ путеводная звѣзда, покажетъ намъ гдѣ начало и источникъ нашего бытія, и гдѣ, потому, разгадка всѣхъ тайнъ, окружающихъ это бытіе. Эта-то мысль и есть, собственно говоря, религія, такъ какъ она обращаетъ духъ нашъ къ Богу и чрезъ это обращеніе вводитъ его въ общеніе съ Богомъ, или, что тоже, въ тѣсную духовную связь съ Нимъ. Такимъ образомъ, въ этомъ словѣ, какъ въ зернѣ, заключается исторія нашихъ отношеній къ Богу.

Понятіе, соединяемое нами съ словомъ—религія, составилось въ глубокой древности, такъ какъ оно находится въ языкѣ самыхъ древнихъ народовъ. Отсюда сама собой открывается та истина, что между Богомъ и людьми всегда существовала тѣсная духовная связь. И дѣйствительно, религія, понимаемая какъ духовная связь между Богомъ и людьми, есть явленіе совершенно необходимое какъ со стороны Бога, такъ и со стороны людей. Основываясь на понятіи Бога—какъ творца міра и людей, мы необходимо должны придти къ мысли, что между тѣмъ и другими должны существовать взаимныя отношенія. Конечно, отношенія эти со стороны разумно-свободныхъ существъ тѣ, чтобы онѣ находились въ должной зависимости отъ Бога, какъ своего Творца, и обладали способностями необходимыми для познанія Его, — или что тоже, поставляли цѣль своего бытія въ томъ, Кто есть начало и причина этого бытія. Со стороны Бога-тѣ, чтобы Онъ вла-

дычествовалъ надъ созданными Имъ тварями, направлялъ ихъ къ выполнению своихъ Божественныхъ совѣтовъ и предначертаній, которые Онъ имѣлъ при ихъ сотвореніи. Такія отношенія обусловливаются свойствами природы Божественной и природы человѣческой. Свойства природы Божіей безконечны и всеобъемлющи, напротивъ, свойства природы человѣческой ограничены и условны. Посему Богъ и человѣкъ дѣйствовали бы совершенно вопреки своей природѣ, если бы Первый отказался отъ своего владычества надъ тварью, а послѣдній отъ должной зависимости отъ своего Творца. Но такъ какъ первое условіе состороны Бога совершенно немыслимо: ибо Онъ неизмѣненъ и отказаться отъ своихъ правъ никогда неможетъ; такъ должно признать неестественнымъ, состороны человѣка, и второе условіе. И хотя это послѣднее условіе осуществилось въ слѣдствіе злоупотребленія человѣкомъ дарованной ему Творцемъ свободы, тѣмъ не менѣе, однакоже, человѣкъ по основнымъ началамъ своей природы есть существо по преимуществу религіозное: такъ что, по мѣрѣ того, какъ онъ разрываетъ связь, влекущую его къ Богу, онъ немедленно нисходитъ на степень бытія низшую его собственной природы или, что тоже, ниспадаетъ въ область жизни чувственной — неразумной, послѣдній предѣлъ которой есть состояніе дикости.

Такъ понимаемая религія необходима для насъ и въ другомъ отношеніи. Она служитъ для души нашей, тѣмъ благотворнымъ началомъ, въ силу котораго она постоянно стремится къ высшему, или лучше сказать, къ безконечному совершенству. Если

бы Богъ ограничилъ область нашего бытія и нашей свободы предѣлами болѣе тѣсными, такими, какія ограничиваютъ неразумную тварь, то разъ поставленные въ этихъ предѣлахъ мы никогда бы уже не могли переступить ихъ, и удовлетвореніе чувственнымъ требованіямъ было-бы послѣднею цѣлю нашей жизни. Но Богъ сдѣлалъ несравненно болѣе для насъ, указавъ намъ послѣднюю цѣль нашихъ стремленій въ Немъ Самомъ. Двигаясь къ этой высочайшей цѣли, мы можемъ наслаждаться тѣмъ большимъ счастіемъ и блаженствомъ, чѣмъ ближе подходимъ къ ней, то есть—чѣмъ яснѣе уразумѣваемъ славу и величіе нашего Творца. И такъ какъ цѣль эта безконечно высока, то таково-же должно быть и стремленіе наше къ ней; и въ этомъ сокрыты залого нашего безсмертія.

Но, спрашиваютъ, можетъ ли существо, поставленное въ предѣлахъ вещества, проникать въ область высшую, въ сферу чисто духовнаго бытія? Возможенъ ли такой шагъ-безъ того, чтобы неподвергнуть смерти своего тѣла, съ которымъ оно такъ тѣсно связано въ настоящей жизни? Такъ. Это было бы невозможно для насъ, облеченныхъ плотію, если бы самъ Богъ, вложившій въ нашу природу стремленіе къ вышечувственному порядку вещей, тѣмъ самымъ непреградилъ пропасти, которая раздѣляетъ эту область отъ міра чувствъ. Теперь же эта пропасть нестрашна для насъ, потому что связь между ею и нами укрѣплена десницею Всевышняго, благоволившаго снизойти къ намъ и облечься нашею плотію. Неоспоримая истина, что для входа въ вышечувственную область, мы должны какъ-бы выйти

изъ предѣловъ нашей чувственной природы, потому что тамъ мы встрѣтимся съ предметами, превосходящими наше разумѣніе; тамъ ожидаютъ насъ таинства, чудесность которыхъ поражаетъ умъ и требуетъ высокой дѣятельности нашей воли; но чтоже? можемъ ли мы останавливаться въ виду этихъ трудностей? Нисколько. Гдѣ дѣйствуетъ Богъ, тамъ преобладаютъ законы и самаго естества. Мы должны знать, что если свѣтъ откровенія Божія проникнетъ въ нашъ умъ, степень его вѣдѣнія такъ расширится, что невѣдомое для премудрыхъ и разумныхъ вѣка сего легко уразумѣвается младенцами. И если въ сердце наше низойдетъ благодатный даръ любви Божіей, оно дѣлается способнымъ принять въ себя огонь Божества—оставаясь въ тоже время цѣлымъ и невредимымъ по своей природѣ. Ибо, какъ говоритъ апостоль, кто во Христѣ, тотъ становится новою тварью, или человѣкомъ обновленнымъ, давая знать, что это обновленіе наше происходитъ отъ того, что мы сдѣлались участниками Божескаго естества. Посему намъ слѣдуетъ не угашать и даже не ослаблять порывовъ нашей души, стремящейся въ область бытія, сродную ей природѣ, но просить Бога, чтобы Онъ благоволилъ послать намъ свой свѣтъ и свою истину, которые, какъ увѣряетъ Псалмопѣвецъ, наставятъ насъ и введутъ въ гору Божію, въ Его святія селенія. При озареніи свыше, или, лучше, при водительствѣ самаго Духа Божія, взоръ ума нашего nebudeтъ омраченъ явленіемъ тайнъ, превышающихъ границы его разумѣнія, потому что эти тайны Премудрость Божія откроетъ ему настолько, насколько это возможно и доступно

для его природы. А то, что останется непонятнымъ въ области чудесъ, то должна восполнить для ума нашего живая вѣра, которою, первѣе всего, должны мы руководиться при вступленіи въ эту область, — ибо, по слову апостола, въ настоящей жизни мы вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ.

Объявленіе

ОТЪ ЛИПЕЦКАГО ГОРОДСКАГО ОБЩЕСТВЕННОГО

БАНКА.

Правленіе Липецкаго *) городского общественаго банка имѣетъ честь до всеобщаго свѣдѣнія, что банкъ производитъ слѣдующія операциі: 1) приемъ вкладовъ изъ процентовъ срочныхъ, безсрочныхъ и вѣчныхъ и 2) учетъ векселей.

На принимаемые вклады банкъ платитъ проценты въ слѣдующемъ размѣрѣ: на безсрочное время, т. е. до востребованія, — *по пяти съ половиною рублей*, на вклады отъ одного года до трехъ лѣтъ — *по шести*, отъ 3-хъ до двѣнадцати лѣтъ — *по шести съ половиною* и на вѣчное время — *по семи рублей въ годъ*. Банкъ принимаетъ вклады изъ всѣхъ мѣстностей, отъ присутственныхъ мѣстъ, должностныхъ и частныхъ лицъ, монастырей, церквей, городскихъ, сельскихъ и акціонерныхъ обществъ.

Вклады принимаются отъ вкладчиковъ лично и чрезъ почту. Вклады возвращаются и проценты на нихъ выдаются вкладчикамъ наличнымъ въ тотъ же день, а находящимся въ отлучкѣ съ первою почтою. Для доставленія болѣе удобствъ при переводѣ капиталовъ изъ кредитныхъ установленій въ банкъ на процентное обращеніе, банкъ принимаетъ на себя обязанность истребовать, откуда слѣдуетъ, по билетамъ кредитныхъ учреждений, слѣдуемая суммы; на билетахъ, если они именные, владѣльцы долж-

*) Липецкъ — уѣздный городъ тамбов. губерніи; отстоитъ отъ г. Воронежа въ 135 верстахъ на сѣверъ, по козловско-рязанскому почтовому тракту.

ны сдѣлать засвидѣтельствованную надпись о предоставленіи банку права истребовать по тѣмъ билетамъ слѣдующія суммы; безыменные же билеты кредитныхъ установленій предоставляются въ банкъ безъ всякихъ на нихъ надписей. На вклады билеты выдаются вкладчикамъ, согласно ихъ желанію, именные и безыменные, но съ тѣмъ, чтобы вкладъ на именной билетъ былъ не менѣе пятидесяти рублей, а на билетъ безыменный не менѣе трехъ сотъ рублей.

Ввѣренные банку вклады, согласно Высочайше утвержденному банковому положенію, обезпечиваются основнымъ банковымъ капиталомъ и всѣмъ состояніемъ Липецкаго городского общества. Безыменные билеты банка, какъ не подлежащіе ни въ какомъ случаѣ измѣненію въ нарицательной своей стоимости, принимаются присутственными мѣстами Тамбовской губерніи въ залогъ наравнѣ съ наличными деньгами.

Векселя Банкъ принимаетъ къ учету отъ лицъ, имѣющихъ по закону право обязываться векселями и извѣстныхъ банку своею благонадежностію. Подъ учетъ векселей ссуду банкъ выдаетъ со взиманіемъ въ пользу банка десять процентовъ по разчету въ годъ. Векселя къ учету принимаются отъ 1 до 5 мѣсяцевъ.

Во всѣхъ означенныхъ дѣйствіяхъ банкъ руководствуется Высочайше утвержденнымъ 6 февраля 1862 года положеніемъ о городскихъ общественныхъ банкахъ и дополнительными къ оному правилами.

Банковое правленіе засѣданія имѣетъ по вторникамъ и пятницамъ; вклады же принимаются каждодневно за исключеніемъ воскресныхъ и табельныхъ дней.

Директоръ Русиновъ.

Редакторы: Арх. Веніаминъ, Иг. Арсеній.

Свящ. Ѳ. Никоновъ.

Печатать дозволяется. Цензоры: протоіерей *Скрябинъ* и священникъ *Волковъ*. Воронежъ. Аурѣля 27 дня, 1868 года. Въ типографіи В. Гольдштейна.